

означает «праздник урожая/последний сноп жатвы». Таким образом, идиома переводится как «показать коту дорогу к празднику урожая» используется в качестве своеобразного аналога русского фразеологизма «пустить козла в огород».

Специфичными для британского английского являются фразеологизмы, содержащие известные реалии Англии. Например, выражением *“turkeys voting for Christmas”* («индейки, голосующие за Рождество»), связанным с английской традицией готовить на праздничный стол именно эту птицу, описывают людей, действующих против своих интересов. В настоящее время так пресса зачастую называет сторонников Брежнева [2]. Детскую игру в салочки англичане называют *“fox and hounds”* («лиса и гончие») в соответствии с традиционным занятием аристократии – охотой на лис. Устойчивое выражение *“grinning like a Cheshire cat”* («улыбаться, как Чеширский кот»), известное благодаря произведению Льюиса Кэрролла, по одной из версий произошло от традиции изображать улыбающихся котов на известных в стране чеширских сырах. Несколько веков назад в английской литературе часто встречался фразеологизм *“lead apes in hell”* («вести обезьян в ад»), связанный со старинным английским поверьем, что после смерти женщины, не вышедшие при жизни замуж, нянчат в аду обезьян.

Особым символом в британской культуре является лев. Т.к. именно это животное представлено на гербе Великобритании и является устоявшимся символом страны ещё с XVII века, его часто используют для метафоричного обозначения страны – *“the British Lion”*. Фразеологизм *“to twist the British lion’s tail”* («крутить хвост британскому льву») используется для описания критики и разжигания конфликтов других стран с Великобританией. Львы, которых содержали в Тауэре, исторически были одной из главных достопримечательностей Лондона – отсюда появилась идиома *“to see the lions”* («осматривать львов»).

Отдельно стоит отметить наличие в английском языке фразеологизмов, относящихся к сфере мореплавания, что исторически обусловлено важностью данной области деятельности для британской культуры. Также стоит отметить, что морская тематика всегда была мифологизирована, что способствовало появлению фразеологизмов. Буревестников моряки называли *“Mother Carey’s chicken”* («цыплята матери Кэри»), по имени образа сверхъестественного существа, воплощающего жестокость и непредсказуемость моря.

Многие предметы морского быта получили идиоматическое оформление в английском языке. Так английских солдат в шутку называли *“a boiled lobster”* («вареный омар») из-за того, что цвет их мундиров напоминал данное блюдо. От другой английской идиомы *“crow’s nest”* («воронье гнездо»), этимология которой восходит к традиции викингов использовать воронов для определения курса корабля, вошло в русский язык подобное обозначение наблюдательного пункта на корабле. Ещё одна заимствованная историческая реалья, сохранившаяся в английском языке в форме устойчивого выражения и позже заимствованная в русский язык – *“a cat o’ nine tails”* («кошка-девятихвостка»). Предмет, использовавшийся для наказания и поддержания дисциплины в Британском флоте, был назван так из-за того, что наносимые им телесные повреждения напоминали отметины кошачьих когтей.

Происхождение идиоматического выражения *“to suck the monkey”* связано с распространенной среди матросов практикой тайно пить алкогольные напитки из бочонка через соломинку либо из скорлупы кокосового ореха. По наиболее распространенной версии это связано с тем, что три точки на плоде кокоса напоминают мордочку обезьяны.

Заключение. На основании проведенного исследования и, в частности, приведенных выше примеров, можно установить, что зоонимы как компонент фразеологизмов в английском языковом сообществе имеют следующие значимые характеристики: доминантными для данной культуры являются образы кошки, собаки, льва, обезьяны. Также значимо количество идиом с названиями птиц. Ввиду своей национальной окрашенности и/или наличия исторического контекста, данные устойчивые выражения часто безэквивалентны и передаются посредством описательного перевода. Таким образом, фразеология не только отражает ценностно-значимые образы для британской культуры, но и в свою очередь является культурным кодом, с помощью которого можно интерпретировать языковую картину мира данного этноса.

1. Хомутникова Е.А. Англо-русский словарь фразеологизмов с компонентом-зоонимом / Е.А. Хомутникова, Ю.С. Боровых. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – 126 с.

2. The Phrase Finder [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.phrases.org.uk/>. – Дата доступа: 23.02.2020.

ТВОРЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КУЛЬТУРЫ АНДЕГРАУНДА СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ГРУППЫ «СЕКТОР ГАЗА»

Кузнецова А.Ю.,

студентка ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Глазман Л.Я., канд. филол. наук, ст. преп.

Андеграунд, пожалуй, самое неизученное явление во всех культурных сферах. Зародившись во второй половине XX века на американских улицах, он постепенно стал проникать в музыку, литературу и изобразительное искусство. С тех самых пор он бытует в различных своих проявлениях.

Став убежищем «творческих меньшинств», он обязан был остаться неделимым целым, но внутри этого герметичного пространства начали происходить всевозможные процессы, которые способствовали как еще большему сплочению, так и размежеванию творческих единиц. Несмотря на это, «андеграунд – огромное культурное наследие, которое создавали авторы, коллективы, объединения» [1, с. 14]. Яркое воплощение культуры андеграунда на стыке советского и постсоветского пространства находит в текстах песен группы «Сектор Газа».

Недостаточной исследованностью данного направления и вместе с тем его значимостью в творческом наследии стран постсоветского пространства и обусловлена актуальность избранной темы.

Цель работы – определить идейно-художественное своеобразие текстов песенной поэзии группы «Сектор Газа».

Материал и методы. Материалом для исследования послужила дискография группы «Сектор Газа». Для анализа использовались элементы культурно-исторического и герменевтического методов.

Результаты и их обсуждение. Официальная дискография группы «Сектор Газа» насчитывает 13 альбомов. Исходя из их названий, можно заметить, что в своем творчестве лидер группы Юрий Клиник, или Юра Хой, сочетал черты комического, пугающего, мистического и музыкальные композиции, раскрывающие серьезные социальные, политические темы. В их текстах было все, чего требовали законы андеграунда: «провокация, эпатаж, пересмотр ценностей, свой особенный язык творчества» [2, с. 79], в отдельности можно выделить недовольство партийной системой и критику действующей власти. Но удивительным является тот факт, что советский андеграунд не принимал новоиспеченную группу. Рок-элита в лице представителей подпольного искусства того времени не принимала далеко «не городское», немодное, местами очень простоватое звучание. Их музыку окрестили «колхозной», а Юрия Хоя «деревенщиной». Поэтому даже в мире отшельников, «не таких» и отщепенцев «Сектору Газа» не нашлось места. Это и делает их творчество настоящим андеграундом, в то время как другие «подпольщики» приблизились к тому, чего боялись больше всего – мейнстриму.

Несмотря на колкости и нападки со стороны, тематическое разнообразие группы огромно. Следует помнить, что количество песен без учета неисполненных и неизданных близится к полутора сотен. Если провести анализ аудиоматериала с учетом его как тематических, так и жанровых особенностей, логично условно разделить его на несколько категорий:

1. Военная тематика («Пора домой», «Туман», «Демобилизация»);
2. Быт, образ жизни («Бомж», «Теща», «Колхозный панк», «Проститутка», «Наркоман», «Русский мат», «Колыбельная», «Я — мразь»);
3. Ирония над политической властью и советским строем («Война», «Советский мент», «Я устал», «Кусок», «Попец», «Подкуп», «Ой ты, травушка зеленая», «Патриот»);
4. Лирика («Твой звонок», «Лирика», «Life», «Свидание»);
5. Юмор («Частушки», «Ява», «Возле дома твоего», «Носки», «Еду бабу выручать»);
6. Мистика («Вальпургиева ночь», «Ночь перед Рождеством», «Укус вампира», «Нас ждут из темноты», «Утопленник», «Сожженная ведьма», «Любовь загробная»);
7. Высмеивание эстрады («Эстрадная песня», «Звездная болезнь»).

Для того, чтобы лучше разобраться в особенностях андеграунд-творчества группы «Сектор Газа», следует проанализировать материал с точки зрения морфологических, синтаксических и лексических особенностей. Что же касается стилистики, то количество текстов песен, написанных в разговорном стиле речи, неоспоримое большинство. Подтверждением этому является использование разговорно-бытовой лексики и просторечий («нажраться» в значении «находиться в состоянии сильного алкогольного опьянения», «буханка», «бычок», «совок» в значении «Советский Союз», «бабка», «в уматину», «девки» и т.д.), обилие общеупотребительных и нейтральных слов, большое количество жаргонизмов («чувак», «глюк», «кореш», «кент», «стрем», «кайфануть»), непринужденность изложения и экспрессивность.

Привлекают внимание и лексические особенности текстов. Прежде всего, это присутствие книжной, церковнославянской лексики («погост», «черт», «царство небесно», «Рождество», «святой», «нечисть», «угодник», «Богородица», «Христос»). Периодически в песнях появляется термин «инфляция» («Бомж» (1992), «Кусок» (1997)). Регулярно употребляются обозначения денежных единиц («пятак», «рубль», «червонец», «тысяча», «чирик», «тамбовский рупь»). Характерная особенность текстов песен Юрия Хоя – изобилие обценной, или ненормативной лексики. Среди его песен отдельное место занимает композиция «Русский мат», в которой автор делится своим отношением к использованию нецензурной брани: «С матерщиной мы родились, с матерщиной мы живем, с матерщиной мы учились, с матерщиной и помрем ... матом кроют генералы, матом кроют продавцы, матом кроют прокуроры и родные отцы...» [3].

К морфологическим особенностям можно отнести использование кратких форм прилагательных («и пока спокоен враг», «но я счастлив по-своему, поверь», «и воздух ядовит, как ртуть») [3], особые формы обращения («мужик», «черти», «прохожий милый», «теща моя», «бабка дорогая» и т.д.), усеченные формы служебных слов («я б, конечно, заругался», «а российский мужик пьяный уж орет», «хоть и охота, поверьте, друзья», «стукнуло чтоб по безмозглой башке») [3], а также наличие форм сравнительной степени прилагательных с использованием суффикса -ей («скорей одень противогаз», «осиновые кольца быстрей доставай») [3].

Синтаксические особенности текстов группы – неоспоримое преобладание бессоюзных предложений, обратный порядок слов, или инверсия, присутствуют также эллиптические предложения и междометия («эх», «эй», «тьфу», «ну», «ах» и т.д.).

Заключение. Все факты, приведенные выше, указывают на то, что тексты группы не являлись достоянием элитарной культуры. Нецензурной бранью, своими особенными речевыми оборотами и нелитературной лексикой они провоцировали массовость. Юрию Клиньских удалось добиться того эпатаж-эффекта, всколыхнувшего все слои общества, о котором мечтали все люди, относившие себя к андеграунд-культуре. Исходя из вышеперечисленного, можно смело утверждать, что группа внесла свою лепту в развитие подпольного искусства в СССР, а в дальнейшем и на территории стран СНГ.

1. Алейников, В.И. Неизбежность и благодать: История отечественного андеграунда / В.И. Алейников. – М.: Фантом Пресс, 2016. – 347 с.
2. Савицкий, С.Н. Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы / С.Н. Савицкий. – М.: Худ.лит-ра, 2002. – 153 с.
3. Коллекция текстов песен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lyricshare.net/ru/sekto-gaza/index.html>. – Дата доступа: 29.02.2020.

ТЭКСТАВЫЯ РЭМІНІСЦЭНЦЫ І ТВОРАХ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

Кукуць Т.Ю.,

студэнтка 4 курса ВДУ імя П.М. Машэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

Навуковы кіраўнік – Арцямёнак Г.А., канд. філал. навук, дацэнт

У сучаснай лінгвістыцы актуальным і параўнальна новым напрамкам даследаванняў з’яўляецца вывучэнне мастацкіх і публіцыстычных тэкстаў у аспекце інтэртэкстуальнасці. Інтэртэкстуальнасць – гэта вельмі пашыраная гісторыка-філалагічная, культурная і семіятычная з’ява, якая паказвае на сувязь паміж двума і больш тэкстамі, адзін з якіх быў напісаны раней за другі ці іншыя. Інтэртэкстуальныя матывы бываюць няпроста ўбачыць і вызначыць, але без іх уліку тэкст нельга зразумець ва ўсёй яго паўнаце і завершанасці.

У беларускай мастацкай літаратуры ХХ стагоддзя часта выяўляюцца інтэртэкстуальныя сувязі, якія адлюстраваны ў тэкстах праз выкарыстанне рэмінісцэнцый, алюзій, цытат з іншым суб’ектам арганізацыі тэксту альбо яго фрагментаў. На падставе сказанага азначэнне інтэртэкстуальнасці можна сфармуляваць як суаднесенасць тэксту з іншымі тэкстамі, якія ўносяць сваю частку інавацыйнасці ідэі і ствараюць новую сэнсавую канцэптуальнасць на аснове моўных і маўленчых уяўленняў.

Тэкставыя рэмінісцэнцыі як найбольш частотная разнавіднасць інтэртэкстуальнасці часта сустракаюцца ў творчасці аднаго з найбольш яркіх і папулярных аўтараў беларускай літаратуры Максіма Багдановіча. У вершах і прозе Багдановіча разнастайныя праявы інтэртэкстуальнасці становяцца асновай сімволікі мастацкай тканіны яго твораў. Звяртаючыся да першасных тэкстаў, пісьменнік выкарыстоўвае матэрыял для пабудовы ўласнага мастацкага дыскурсу. Актуальнасць даследавання абумоўлена тым, што раскрыццё інтэртэкстуальных сувязей значна паглыбляе ўяўленне пра тэматычны дыяпазон, праблематыку і мастацкую адметнасць твораў, паказвае на перадумовы іх стварэння, вытокі думак і крыніцы творчай фантазіі аўтара.

Мэта артыкула – выявіць асноўныя разнавіднасці тэкставых рэмінісцэнцый і іх паходжанне ў творах Максіма Багдановіча.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі праявы і вершаваныя тэксты Максіма Багдановіча. Пры зборы матэрыялу была выкарыстана метадыка суцэльнай выбаркі. Агляд моўных фактаў праводзіўся на аснове апісальнага метаду.

Вынікі і іх абмеркаванне. У праявах і вершаваных творах Максіма Багдановіча ўзаемазвязь з іншымі тэкстамі абумоўлена творчымі задачамі паэта, яго настойлівым, пастаянным імкненнем арганічна ўключыць беларускую літаратуру ў сусветны літаратурны працэс.

Біблейская інтэртэкстуальнасць шырока прадстаўлена прэцэдэнтнымі імёнамі і вобразамі. У вершы “Агата” сустракаецца вобраз святога: “Ехаў ён на кані саматою, / А прыгожы, – як Юры святы” [1, с. 303]. У вершы “Цемень” узгадваецца вобраз Хрыста: “Але вось цераз цемень маланка блішчыць, / Асвятляе мне вобраз Хрыста... яго крыж...”; “Не глядзіць на мяне ясны вобраз Хрыста” [1, с. 214]. “Ікону з Острабрамскай маткі боскай, майстрам рупным і добрым памалюваную, за вострым або за дзесяць грошаў літоўскіх купляюць, а за тую ж ікону працы вучня няўмелага нічога не даюць” [2, с. 62]. Згодна з легендай, гэты вядомы абраз маляваўся з Барбары Радзівіл, жонкі польскага караля Жыгімонта Аўгуста. Зараз ікона знаходзіцца ў капліцы пры царкве на вуліцы Вацлаўскай у Вільнюсе.

У апавяданні “Экзамен” сустракаецца адвольны пераказ тэксту з Бібліі: “Вкушая, вкусих мало меду и се аз умираю”; “Веселися, юноша, во юности твоей” [2, с. 91]. У творы “чудо маленького Петрика” сустракаецца некалькі слоў з малітвай: “Повторяя за няней слова молитвы: “Спаси, Господи, и помилуй...” [2, с. 84]. Змешчаны таксама зварот да святой: “Царица небесная! Мати Пресвятая Богородица!” [2, с. 87].